

Альтер М.

Ежедневная смерть

Альтер М.
Ежедневная смерть

«Автор»

2026

М. А.

Ежедневная смерть / А. М. — «Автор», 2026

Архитектор Виктор Аверин каждое утро находит на подушке записку с датой своей смерти. Раньше даты были в будущем, но однажды он видит вчерашнее число. Виктор должен понять, как он «умер» вчера, чтобы избежать гибели сегодня. Однако каждый раз, приближаясь к разгадке, он теряет сознание и просыпается с новой запиской. Психологический триллер о борьбе с внутренним демоном, тайнах прошлого и архитектуре человеческого сознания.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вчерашнее число	5
Глава 2. Чужая кровь	14
Глава 3. Архитектор бездны	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Альтер М.

Ежедневная смерть

Глава 1. Вчерашнее число

Тишина в спальне стояла такая плотная, что, казалось, её можно было резать ножом. Она не была мягкой, обволакивающей тишиной спокойного утра. Эта тишина была похожа на застывшее стекло, готовое лопнуть от любого неосторожного движения. И первым, что нарушило её, был не звук, а ощущение — знакомое, липкое, поднимающееся откуда-то из живота к горлу чувство обречённости. Виктор открыл глаза.

Свет, пробивавшийся сквозь плотные шторы, был серым, пыльным. Таким бывает только свет ранней осени в городе, где небо, кажется, навсегда затянуто полотном туч. Он не спешил поворачивать голову. Он знал, что там, слева от подушки, на прикроватной тумбе из тёмного, почти чёрного дерева, уже лежит она. Белый прямоугольник плотной бумаги. Каждое утро, без исключений, вот уже триста пятьдесят четыре дня.

Виктор медленно, очень медленно, словно преодолевая сопротивление воды, повернул голову. Шея затекла, хрустнула позвонками. Записка лежала ровно, параллельно краю тумбы. Кто-то — он давно перестал задаваться вопросом, кто именно, — обладал болезненным чувством порядка. Идеальный белый прямоугольник на идеально отполированной поверхности красного дерева. Контраст, который когда-то вызывал у него восхищение, а теперь — только глухую, застарелую тошноту.

Первые дни, недели, даже месяцы он пытался выследить этого «кого-то». Ставил камеры, которые к утру оказывались выключены, а файлы записей — повреждены. Однажды попробовал не спать, пил крепчайший кофе, глотал какие-то стимуляторы, купленные через сомнительные интернет-сайты. Веки налились свинцом, сознание погасло мгновенно, будто кто-то щёлкнул рубильником. А утром — новая записка. Тогда он попытался запереть дверь, забаррикадироваться. Бесполезно. Он просыпался, замок был цел, дверь закрыта, а бумага лежала на своём месте. Однажды, в приступе бессильной ярости, он сжёг записку, даже не взглянув на неё. В тот же день, переходя улицу, он едва не попал под колёса чёрного внедорожника. Тормозной путь составил едва ли полметра. Это был первый, но не последний звоночек. Судьба, рок или тот, кто писал эти послания, не любили, когда их игнорируют.

С тех пор он читал каждую. Это стало ритуалом. Ежедневным причастием к собственной грядущей кончине.

Он помнил их все. Они были разными. «17 декабря 2027 года» — первая, самая страшная, когда он ещё мог списать всё на чью-то дурацкую шутку. До декабря 2027-го оставалось больше двух лет, и дата казалась абстрактной, нереальной. «3 апреля 2031-го» — это было уже не смешно. «14 сентября 2028-го». Даты менялись. Они скакали по календарю, словно сумасшедший кузнец. Никакой системы, никакой закономерности, которую он мог бы уловить. Умный, привыкший анализировать, систематизировать, раскладывать мир по полочкам, Виктор сходил с ума от этой калейдоскопической чехарды чисел. Его жизнь, его смерть превратились в лотерею. Единственное, что оставалось неизменным, — это отступ. Всегда несколько месяцев, иногда год, иногда больше. Всегда впереди. Угроза, маячащая на горизонте, далёкая и оттого слегка притупленная.

До сегодняшнего дня.

Он протянул руку. Пальцы, всегда точные и уверенные, сейчас слегка дрожали. Холодная, гладкая бумага. Он поднёс записку к глазам. Шрифт — тот же самый, что и всегда. Чёткий,

печатный, словно оттиск старинной пишущей машинки. Буквы немного вдавлены в бумагу. Чёрные, жирные, безупречные.

«7 июля 2026 года».

Всё внутри оборвалось и рухнуло куда-то в ледяную бездну.

Вчера.

Дата была вчерашняя.

Секунды три он просто смотрел на цифры, и мозг, этот совершенный биологический компьютер, отказывался их обрабатывать. Семь. Седьмое. Июль. Две тысячи двадцать шестой год. Глаза перечитывали строку снова и снова, словно надеясь на чудо, на оптическую иллюзию, на то, что восьмёрка превратится в девятку, а шестёрка — в восьмёрку. Чуда не происходило. Бумага была реальна. Чернила были реальны. Дата была вчерашняя.

— Этого не может быть, — прошептал он. Собственный голос показался чужим, скрипучим, как несмазанная дверная петля.

Он резко сел на кровати. Одеяло сбилось в ногах. Сердце колотилось где-то в горле, гулко, неровно, с перебоями. Виктор прижал ладонь к груди, пытаясь унять эту безумную пляску. Мысли, обычно структурированные и ясные, метались, как перепуганные птицы в клетке.

Как он мог умереть вчера, если он жив сегодня? Ответ, казалось, лежал на поверхности: дата в записке — ложь. Очередной виток изощрённой пытки. Его решили сломать окончательно, лишив той самой спасительной временной дистанции. Но внутренний голос, холодный и циничный голос аналитика, твердил другое: «Записки никогда не ввали. Никогда. Угроза была всегда отсроченной, но она была настоящей. Каждое число, которое ты считал будущим, было предупреждением. А это — констатация. Смерть, которая уже произошла».

Но как? Как он может сидеть здесь, чувствовать бешеный стук сердца, ощущать шероховатость простыни под пальцами, видеть пылинки, танцующие в солнечном луче, если вчера он должен был умереть?

Виктор отбросил записку, словно она обжигала пальцы, и рывком встал с кровати. Ноги были ватными, комната слегка поплыла перед глазами — следствие резкого подъёма. Он ухватился за спинку стула, пережидая приступ головокружения. Взгляд упал на большое зеркало в массивной раме, стоявшее в углу. Оттуда на него смотрел мужчина тридцати восьми лет, с бледным, осунувшимся лицом, на котором резко выделялись тёмные круги под глазами. Глубокие складки пролегли от крыльев носа к уголкам губ. Русые, слегка выющиеся волосы были всклокочены. В зеркале отражался человек, балансирующий на грани истощения — и физического, и душевного. Это был он, Виктор Романович Аверин, архитектор с когда-то блестящей репутацией, а ныне — добровольный затворник, пленник собственного страха.

Он подошёл к зеркалу ближе, вглядываясь в своё отражение с каким-то болезненным, хирургическим интересом. Жив. Определённо жив. Он поднял руку, коснулся холодной поверхности стекла. Отражение повторило жест. Пульс бился под кожей запястья. Дыхание было частым, поверхностным. Всё это были признаки жизни. Но что, если жизнь — это иллюзия? Что, если то, что он ощущает сейчас, — лишь эхо, реверберация угасшего сознания? Слишком сложно для семи утра.

Он опустил взгляд на свои руки. Никаких следов. Никаких царапин, синяков, ничего, что указывало бы на насильственную смерть. Он ощупал голову, рёбра, ноги. Никакой боли, кроме привычного напряжения в шее и плечах. Если он и «умер» вчера, то смерть его была тихой, не оставившей следов на физической оболочке. Но была ли она?

Нужно было восстановить хронологию. Вчерашний день. Что он помнит о вчерашнем дне? Виктор напряг память, но наткнулся на стену густого, непроницаемого тумана. Отдельные фрагменты, обрывки, не желающие складываться в целостную картину. Утро: записка с очередной, тогда ещё будущей, датой. Он помнил, как сидел на кухне, пил кофе и смотрел

на эту бумажку, крутя её в пальцах. Дата была... какая? Десятое ноября две тысячи тридцатого. Далеко. Очень далеко. Абстрактная вечность. Что было потом? Звонок. Кажется, звонил телефон. Или нет? Может быть, он сам кому-то звонил? С кем он вообще мог говорить? Круг общения сузился до размеров игольного ушка: Светлана, домработница, приходящая раз в неделю, да курьер из службы доставки продуктов.

Он заставлял память работать, но та упиралась. Чем больше он старался, тем сильнее размывались воспоминания, словно акварельные краски под струёй воды. Была боль. Смутное воспоминание о боли. Не физической — скорее, ментальной. Паника, накрывшая его с головой. Где? В спальне? На кухне? В городе? Он выходил из дома? Виктор посмотрел на дверь спальни, словно надеясь, что её очертания подскажут ответ.

Он резко развернулся и пошёл в прихожую, не обращая внимания на холод босых ног, касающихся паркета. Пальто висело на вешалке. На своём обычном месте. Туфли — аккуратно стоят на полке для обуви. Он наклонился, коснулся подошвы. Сухая. Никаких следов уличной грязи или влаги. Зонт в подставке — сухой. Вчера, кажется, не было дождя. А какой вообще был день недели? Понедельник? Вторник? Он не мог вспомнить. Потеря ориентации во времени была одним из первых признаков, когда осада его рассудка только началась. Сейчас она стала почти полной. Единственными маркерами времени были эти проклятые записки.

Вернувшись в спальню, он снова взял записку. «7 июля 2026 года». Вчерашнее число. Это факт. Противный, ускользающий, как кусок мокрого мыла. К этому нужно подойти системно. Отбросить панику, включить логику. Как он раньше распутывал сложные архитектурные проекты? Шаг за шагом, от фундамента к крыше. Сейчас его задача — восстановить фундамент вчерашнего дня.

Начать с материальных следов.

Виктор оделся. Это тоже был ритуал. Чистая белая рубашка, серые брюки, мягкие домашние туфли. Порядок в одежде немного упорядочивал хаос в голове. Он прошёл в кабинет. Просторная комната с высокими потолками, от пола до потолка заставленная книжными стеллажами. Огромный дубовый стол у окна, за которым он провёл бессчётные часы. На столе, рядом с выключенным монитором компьютера, лежал его ежедневник — старомодный, в кожаном переплёте, который он завёл специально для того, чтобы пытаться фиксировать реальность, когда та начала расползаться по швам. Рядом — смартфон, чёрный безжизненный прямоугольник. Он схватил телефон, нажал кнопку включения. Экран загорелся, показав заставку — чёрно-белый эскиз небоскрёба, его последнего, так и не завершённого проекта.

Телефон требовал пароль. Палец скользнул по сенсору — экран разблокировался. Спикер пропущенных вызовов: один. Вчера, в четырнадцать двадцать три. Номер не определён. Сообщений нет. Журнал исходящих звонков пуст. Он смотрел на экран, пытаясь воскресить в памяти этот звонок, но не мог. Никаких ассоциаций. Пустота. Словно кто-то аккуратно вырезал этот фрагмент из плёнки его жизни и склеил концы.

Тогда он обратился к ежедневнику. Кожаная обложка была чуть влажной на ощупь — или ему это казалось? Он открыл его на странице, датированной вчерашним числом. Страница была девственно чиста. Ни одной пометки. Только в самом верху, его собственным, слегка неровным почерком было выведено: «10 ноября 2030». Он помнил этот утренний автоматизм — записать дату из записки, чтобы зафиксировать, заякорить реальность. И больше ничего. Весь день — белое пятно. Он пролистал назад. Предыдущие дни были заполнены такими же датами, краткими, отрывочными мыслями, рисунками на полях — бесконечные спирали, купола, шпили. Архитектор в нём не умер, он просто сошёл с ума, переключившись с реальных проектов на фантазмагорические замки из песка собственного страха. Но вчерашний день зиял пустотой.

Он вернулся на кухню. Механически, на автопилоте, включил кофе-машину. Пока та шипела и пытела, наполняя кухню горьковатым ароматом, он подошёл к раковине. Она была

пуста. Ни одной грязной чашки или тарелки. Он был патологически аккуратен, не терпел беспорядка. Если бы он ел, он бы обязательно вымыл посуду. Но раковина была сухой, без единой капли воды. Значит, он не завтракал и не обедал. Или ел вне дома? Но туфли сухие, пальто висит на месте.

Взгляд упал на мусорное ведро. Он приподнял крышку. Пакет был пуст, если не считать использованного чайного пакетика и пустой ампулы из-под какого-то лекарства. Он выудил её двумя пальцами. Стекло, маленькая, с отломанным носиком. Этикетка стёрта. Что это? Он не помнил, чтобы вчера пил какие-то лекарства. Откуда эта ампула? Он крутил её в руках, пытаясь уловить хоть какой-то запах. Ничего. Стекло пахло только стеклом.

Кофе-машина умолкла. Наполнив чашку до краёв, он сел за стол, поставил чашку перед собой и снова уставился на записку. Дата молчала, но её немое присутствие кричало громче любой сирены. Вчерашнее число перечёркивало все его ментальные построения. Механизм, работавший триста пятьдесят четыре дня, сломался. Сценарий изменился. И теперь он, Виктор, из пассивного наблюдателя, ждущего своего будущего, превратился в человека, который живёт после своей смерти. В призрака. В ошибку системы.

Или... Или система не ошибается. Если записка говорит правду, и он действительно «умер» вчера, то его сегодняшнее существование — это не жизнь в привычном смысле слова. Это отсрочка. Возможность. Может быть, единственная. Что, если это игра с новыми правилами? Что, если он должен выяснить, как именно он умер вчера, чтобы... Чтобы что? Избежать этого сегодня? Сама мысль была абсурдной, но в том перевёрнутом мире, в котором он существовал последний год, абсурд был единственной константой.

Допустим, он умер вчера. Где? В этой квартире? На улице? В больнице? Какова причина? Инфаркт? Инсульт? Несчастный случай? Убийство? Самоубийство? Мысль о последнем заставила его содрогнуться. Был ли он способен на это? Год ада истощил его, выпил все силы, но мысль о добровольном уходе никогда не приходила ему в голову. Или приходила, но он стёр это из памяти? Он снова посмотрел на ампулу. Яд? Лекарство? Наркотик? Где упаковка? Где инструкция?

Он встал и начал методично, комната за комнатой, обыскивать квартиру. Это была большая, двухуровневая квартира в старом доме в центре города. Мебель, картины, книги — всё было дорогим, со вкусом подобранным, но всё несло на себе печать запустения. Тонкий слой пыли, неистребимый запах одиночества, спёртый воздух. Виктор открывал ящики, заглядывал в шкафы, шарил на полках. Ничего. Никаких блистеров, коробочек, порошков. Только ампула в мусоре.

Он зашёл в ванную, открыл аптечку. Стандартный набор: анальгетики, активированный уголь, бинты, перекись. Всё лежало на своих местах, нетронутое. Он пересчитал таблетки. Количество сходилось с его записями в блокноте, который он вёл на случай, если начнёт принимать что-то и забудет. Паранойя, но паранойя обоснованная. Всё было в порядке. Кроме вчерашнего дня.

Он остановился посреди гостиной, чувствуя, как его накрывает волна отчаяния, смешанного со злостью. Он, как крыса в лабиринте, метался в поисках сыра, которого, возможно, не существовало. Все его методы, вся его хваленая логика разбивались о глухую стену неизвестности. Кто-то стёр вчерашний день из его жизни, оставив лишь квитанцию о смерти.

Он взглянул на настенные часы. Девять утра. Время шло. Если его гипотеза верна, и сегодня он должен избежать уже случившейся вчера смерти, то у него есть время до полуночи. Или до того момента, как должно произойти роковое событие. Он не знал. Не знал ничего. Кроме одного: оставаться в квартире — значит, гарантированно проиграть. Если что-то и случилось вчера, то, скорее всего, это случилось не здесь. Либо здесь, но источник угрозы уже не активен. Ему нужна была информация. Ему нужно было найти людей, с которыми он контактировал. Но с кем он контактировал?

Воспоминание, внезапное и яркое, прорезало туман. Запах. Запах табака. Чужого, дешёвого табака, не того, который он иногда позволял себе — дорогого трубочного. И ощущение холодного ветра на лице. Он был на улице. Точно, он выходил из дома! Это было похоже на вспышку молнии, на секунду осветившую тёмный ландшафт. Улица, серый асфальт, чей-то оклик. Или это была игра воображения?

Нужно было зацепиться за эту нить. Он подошёл к двери, ведущей на лестничную клетку, и снял цепочку. Рука замерла на замке. Страх, густой, животный, сковал мышцы. А что, если его смерть поджидает его именно там, за порогом? Что, если вчера он вышел из квартиры и не вернулся? Вернее, вернулся, но уже... мёртвым? Как кукла, управляемая чужой волей, он лёг в постель и проснулся сегодня. Бред. Но бред, который стал его реальностью.

Он преодолел страх и открыл дверь. Лестничная клетка встретила его привычной тишиной и запахом пыли. Он спустился на пролёт ниже, к квартире Маргариты Львовны, старушки-соседки. Её звонок — старомодный, с трелью. Он нажал кнопку, прислушиваясь. Тишина. Ещё раз. Никаких шагов. Её квартира, кажется, пустовала. Летом она всегда уезжала на дачу. Тупик.

Он поднялся обратно, чувствуя, как дрожат ноги. Физическая нагрузка была минимальной, но адреналин выматывал. Войдя в квартиру, он сразу направился к компьютеру. Нужно проверить историю браузера. Это была ещё одна привычка, привитая паранойей: он никогда не чистил историю, надеясь, что она станет ниточкой к его собственным действиям, если память снова подведёт.

Экран загорелся. Он открыл браузер и погрузился в список посещённых сайтов за вчерашний день. Список был длинным и, по большей части, бессмысленным. Новостные ленты, которые он пролистывал, не вникая в суть. Прогноз погоды. Форум архитекторов, где он был модератором, но не появлялся уже несколько месяцев. А потом — несколько поисковых запросов, от которых у него похолодели пальцы.

«Летальный исход, остановка сердца во сне, статистика».

«Можно ли умереть от страха».

«Быстрая смерть без боли».

«Клиническая смерть свидетельства».

«7 июля 2026 года новости».

Он сам вводил эти запросы. Он сам искал информацию о смерти. О своей смерти? Или о смерти вообще? Контекст был утерян, но сам факт был неопровержим: вчера он боялся умереть. И не просто боялся, а активно изучал этот вопрос. Прокручивая историю дальше, он наткнулся на сайт городской больницы. Страница с контактами отделения токсикологии. Сердце пропустило удар. Токсикология. Значит, он знал или догадывался, что причина может быть в отравлении? Ампула в мусоре обрела зловещий смысл.

Он закрыл браузер и откинулся на спинку стула, потирая виски. В висках стучало. Головная боль, тупая и постоянная, возвращалась. Нужно было что-то решать. Просто сидеть и ждать, пока воспоминания соизволят вернуться, было нельзя. Время утекало. Если он должен умереть сегодня, повторяя сценарий вчерашней смерти, каждая минута бездействия приближала развязку.

Он снова взял смартфон. Вчерашний пропущенный вызов. Номер не определён. Единственная зацепка. Он нажал на номер, вызывая меню, и выбрал «перезвонить». Сердце колотилось где-то у горла, пока он слушал длинные гудки. Один. Второй. Третий. Четвёртый. На пятом гудке что-то щёлкнуло, и связь прервалась. Не сбросили, а именно прервалась, как будто

на том конце что-то замкнуло. Он попробовал снова — тот же результат. Пустота. Безликая, глухая пустота на другом конце провода.

Он бросил телефон на стол и уставился в потолок. Потолок был белым, идеально ровным. Он сам проектировал эту квартиру, сам руководил перепланировкой несколько лет назад. Тогда он был другим человеком. Уверенным, перспективным, женатым на прекрасной женщине и воспитывающим сына. Воспоминание о жене и сыне кольнуло тупой болью. Лена и Пашка. Они ушли, когда начался этот кошмар. Вернее, он сам их вытолкнул, боясь, что та тёмная сила, которая ворвалась в его жизнь с первой запиской, может задеть и их. Он отправил их к тёще в другой город, сказав, что ему нужно разобраться с каким-то сложным проектом. Они звонили, писали, но он отвечал всё реже и реже. Не хотел, чтобы они видели его падение. Не хотел подвергать их опасности. Теперь он был один. И, возможно, сегодня этот тотальный, вымороженный одиночество станет его могилой.

Он подумал о Лене. Как бы она поступила? Она всегда была практичнее его, ближе к земле. «Витя, прекрати заниматься самокопанием, просто пойд и сделай что-нибудь», — сказала бы она. «Сделай что-нибудь». Что он мог сделать? Обратиться в полицию? «Здравствуйте, я умер вчера, но не помню как, помогите расследовать мою смерть, чтобы я не умер сегодня повторно». Его поднимут на смех, а затем, вероятно, вызовут санитаров. К врачам? Он обошёл десятки светил психиатрии и неврологии. Диагнозы варьировались от «острого психоза на фоне стресса» до «шизотипического расстройства». Таблетки не помогали, записки продолжали появляться. Обращаться было не к кому. Только к самому себе.

Он решил заново, шаг за шагом, воссоздать свой возможный маршрут. Раз он, вероятно, выходил на улицу, нужно пройти этим путём. Может быть, физическое перемещение всколыхнёт память. Как в том старом фильме, где герой возвращался на место преступления, чтобы всё вспомнить. Он снова надел пальто, на этот раз — уличные ботинки. Проверил ключи, бумажник. Всё на месте. Он глубоко вздохнул и открыл входную дверь.

Спускаясь по лестнице, он внимательно смотрел по сторонам. Ступени, перила, стены — всё было знакомо до мельчайших трещин. Ничего необычного. У подъездной двери он на секунду задержался. Что он почувствовал вчера, когда его ладонь легла на эту холодную металлическую ручку? Холод. Ветер. Запах табака. Он вышел на улицу.

Город встретил его шумом, от которого он успел отвыкнуть. Звуки машин, голоса прохожих, где-то лаяла собака. Свет, даже серый и пасмурный, резал глаза. Он постоял на крыльце, пытаясь уловить то самое ощущение из обрывка воспоминания. Запах табака. Он повертел головой. Справа от подъезда, на том же месте, где обычно, сидел на корточках дворник Рашид, покуривая сигарету. Горький, вонючий дым дешёвого табака. Тот самый запах.

Виктор направился к нему. Рашид, увидев его, приветственно кивнул.

— Здравствуй, хозяин. Гуляешь?

— Здравствуй, Рашид. — Виктор остановился рядом. — Ты вчера был здесь?

Дворник удивлённо посмотрел на него, затянулся.

— Конечно, был. Я всегда здесь. Вчера — особенно. Мусора много. Ты же выходил.

— Выходил? — сердце Виктора дало сбой. — Во сколько? Ты не помнишь?

— После обеда, наверное. Часа в три. Ты шёл быстро, я тебе сказал: «Здравствуй», — а ты не ответил. Лицо такое было... — Рашид замялся, подбирая слово. — Белое. Как мел. Я ещё подумал, может, заболел человек.

— Я ничего не говорил? Куда я пошёл?

— Пошёл туда. — Рашид махнул рукой в сторону парка. — К прудам.

К прудам. Старый парк с запущенными прудами, излюбленное место для одиноких прогулок. Он действительно любил там ходить, кругами, часами. Значит, вчера он тоже пошёл туда.

— И всё? Я вернулся?

— Вернулся. Уже вечером, затемно почти. Я тебя не видел, я в подсобку ушёл. Но свет в твоих окнах зажётся. Я ещё удивился, ты редко свет зажигаешь так рано. Всё в темноте сидишь, как филин.

Виктор переваривал информацию. Значит, он ушёл около трёх, вернулся вечером, зажёт свет. А потом что? Потом — провал. Смерть во сне? Или смерть до сна? Слова Рашида подтверждали лишь факт его выхода и возвращения.

— Спасибо, Рашид, — бросил он и, не дожидаясь ответа, зашагал по направлению к парку.

Старые липы сомкнулись над головой, поглотив звуки города. Дорожка, усыпанная гравием, хрустела под ногами. Он шёл, пытаясь нащупать в памяти хоть что-то, связанное с этим местом вчера. Вот скамейка, на которой он иногда сидел. Вот чугунный фонарь, покосившийся от времени. Всё было знакомо. Слишком знакомо. Память отказывалась выдавать вчерашний день, но зато услужливо подсовывала картинки недельной, месячной давности, создавая сюрреалистическое ощущение дежавю.

Он дошёл до пруда. Вода была тёмной, маслянистой, покрытой ряской у берегов. Он стоял и смотрел на неподвижную гладь, и вдруг почувствовал толчок где-то под ложечкой. Холод. Мокрый холод. Он посмотрел на свою левую руку. Никаких ощущений в руке не было, но на уровне подсознания возникла чёткая ассоциация: рука, погружённая в ледяную воду. Он резко одёрнул руку, хотя она и так висела вдоль тела. Что это? Фантомная боль? Или воспоминание, пробившееся через блок? Он упал в воду? Или его толкнули? Он осмотрелся. Вокруг ни души.

Он присел на корточки у кромки воды, всматриваясь в тёмную глубину. Что он мог там увидеть? Своё отражение? Но увидел другое. У самого берега, почти скрытое тиной, что-то белело. Он протянул руку, кончиками пальцев ухватил мокрую бумажку и вытащил её на свет. Это был смятый, размокший прямоугольник. Точно такой же, как те, что он находил у себя на подушке. С запиской. Его сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в горле. Дрожащими пальцами он попытался расправить бумагу. Она была почти уничтожена водой, чернила расплылись, но кое-что ещё можно было разобрать. Фрагмент даты.

«...юля 202...»

Он выронил бумажку, и она, покружившись, снова опустилась на воду, как умирающий мотылёк. Значит, вчера в парке тоже была записка. Он держал её в руках, а потом она оказалась в пруду. Почему? Он выбросил её сам? Потерял, когда падал? Зачем он вообще понёс её сюда? Десятки вопросов жалили мозг, не получая ответов.

И тут он почувствовал это. Ощущение было до жути знакомым, он испытывал его каждый раз в самый неподходящий момент. Звуки начали отдаляться, словно кто-то медленно поворачивал ручку громкости. Краски окружающего мира поблекли, выцвели, превратились в серую массу. Собственное тело стало чужим, невесомым, как воздушный шарик. Голова закружилась, но не как при обычном головокружении. Это было похоже на стремительное падение в глубокий колодезь. Туннельное зрение сузилось до маленькой точки, в которой ещё виднелся кусок тёмной воды пруда, а затем погасла и она.

Он терял сознание. Прямо здесь, на берегу, в полном одиночестве.

Последней связной мыслью была удивительно спокойная констатация: «Ну вот, кажется, опять. Как в тот раз, когда я пытался не спать. Интересно, что будет на этот раз?» И тьма сомкнулась, поглотив его целиком.

Пробуждение было резким, без перехода от сна к бодрствованию. Просто секунду назад была пустота, а теперь он лежит на чём-то мягком и смотрит в белый потолок. Своей спальни. Снова. Виктор сел на кровати с такой скоростью, словно его подбросили пружиной. Голова гудела, во рту стоял металлический привкус. За окном были всё те же серые сумерки. Но сколько времени? День? Вечер? Следующее утро?

Он машинально повернул голову влево.

На тёмной полированной поверхности прикроватной тумбы лежала она.

Новая записка. Безупречно белый прямоугольник.

Рука, протянутая к ней, дрожала так, словно он впервые в жизни совершал это движение. Он поднёс бумагу к глазам. Сначала он не понял. Мозг просто отказывался расшифровывать символы. А когда понял — по телу прошла волна такого ледяного ужаса, что перехватило дыхание.

Там стояла одна фраза, написанная тем же чётким машинописным шрифтом. Не дата.

«Ты сделал это снова».

Он прочитал это десять, двадцать раз, пока буквы не начали сливаться в бессмысленную чёрную рябь. «Ты сделал это снова». Что «это»? Умер? Убил? Потерял память? Смысл ускользал, оставляя после себя лишь вязкий, парализующий страх. Он сжал записку в кулаке, и бумага жалобно хрустнула.

Взгляд упал на собственные руки. И он замер.

Рукава рубашки, в которой он был в парке, были влажными. Но не это было главным. На манжете правой руки, у самого запястья, расплывалось небольшое, но яркое пятно. Он поднёс его ближе к глазам. Цвет был ржаво-коричневым, с едва уловимым красноватым оттенком. Пятно было свежим. Он понюхал его. Запах был слабый, почти неуловимый, но безошибочный. Солоноватый запах крови.

Чужой крови. Потому что на его теле не было ни царапины.

В висках зашумело. Тишина спальни, та самая плотная, звенящая тишина, стала оглушительной. Он сидел на кровати, сжимая в одной руке записку с недвусмысленным посланием, а другой рассматривая пятно крови на своём рукаве. Мозаика отказывалась складываться. Парк. Пруд. Потеря сознания. И вот он здесь. С чистого листа. Вернее, с листа, запачканного кровью.

Он встал, ноги держали плохо. Прошёл в ванную, включил свет. Яркий свет лампы над зеркалом резанул по глазам. Он уставился на своё отражение. Бледное лицо, круги под глазами стали ещё темнее. В остальном — никаких следов борьбы. Он снял рубашку, осмотрел торс, руки. Чисто. Только пятно на манжете. Чужое, неопровержимое пятно.

Что произошло за те часы, что выпали из его жизни? Где он был? С кем? И чья кровь теперь на его одежде? Вопросы роились, жужжали, превращаясь в гул, в котором тонули остатки разума. Он снова посмотрел на записку, которую всё ещё сжимал в руке.

«Ты сделал это снова».

Снова. Значит, это уже не первый раз, когда он теряет сознание и просыпается с таким «посланием». Но прошлые разы были по-другому. Прошлые разы были просто датами. А теперь — прямое обращение. Обвинение. Или приговор.

Он почувствовал, как реальность уплывает из-под ног. Он уже не был уверен ни в чём. Ни в том, что вчера — это действительно вчера. Ни в том, что смерть — это метафора. Ни в том, что он всё ещё человек, а не марионетка в чьей-то чудовищной пьесе. Единственное, что он знал наверняка: механизм игры стал сложнее. Вчерашняя смерть не была финалом. Она

была прелюдией. А сегодняшний день, прерванный обмороком, подкинул новую, ещё более страшную вводную.

Он опустил взгляд на записку, потом на рубашку с кровавым пятном на рукаве, и понял окончательно и бесповоротно: ставка перестала быть только его жизнью. Теперь на кону было нечто большее. И он, Виктор Аверин, архитектор собственного безумия, был не жертвой. Он был главным подозреваемым. В деле об убийстве, которого он не помнил. И которое ему предстоит раскрыть, чтобы выжить в следующей петле этого бесконечного, кошмарного дня.

Глава 2. Чужая кровь

Запах крови пропитывал воздух, хотя пятно на манжете было совсем небольшим. Виктор стоял посреди ванной комнаты, сжимая в одной руке скомканную записку с тремя убийственными словами, а в другой — снятую рубашку. Белая ткань, теперь осквернённая ржаво-коричневым клеймом, казалась вещественным доказательством преступления, которого он не помнил. Собственное отражение в зеркале пугало его больше, чем если бы он увидел там чужое лицо. Это был он, Виктор Аверин, но в глазах, смотревших на него из зазеркалья, поселилось нечто новое. Не просто страх. Не просто растерянность. Там, в расширенных зрачках, на самой глубине, зарождался ужас перед самим собой.

«Ты сделал это снова».

Три слова, написанные тем же безупречным машинописным шрифтом, что и все предыдущие послания. Но раньше послания были безличны. Даты. Числа. Маркеры на линии времени. Теперь же некто, ведущий эту жестокую игру, обратился к нему напрямую. Не просто сообщил о смерти — обвинил в ней. Обвинил в том, что он не помнил, но что, судя по пятну на рукаве, было чудовищной реальностью.

Он аккуратно, словно это могло взорваться, положил рубашку на край раковины и включил холодную воду. Набрал полные пригоршни и плеснул в лицо. Ледяная вода немного отрезвила, вернула способность мыслить. Хотя бы отчасти. Нужно было действовать. Паника, захлестнувшая его при пробуждении, должна быть взята под контроль. Он — архитектор. Он привык работать с хаосом, преобразуя его в упорядоченные структуры. Сейчас его жизнь превратилась в руины, и единственный способ не погибнуть под обломками — начать методично разбирать завалы.

Он вышел из ванной. Квартира встретила его гнетущей тишиной. Часы на стене в гостиной показывали начало восьмого вечера. Он потерял около семи часов. Семь часов, вычеркнутых из жизни. Или, что вероятнее, семь часов, заполненных тем, о чём ему лучше не знать. Но он должен узнать. Должен, если хочет понять правила новой игры.

Первым делом он снова переоделся. Выбрал тёмную водолазку, чёрные джинсы. Одежда, в которой удобно двигаться, в которой не видно пятен. Одежда человека, готовящегося к действию, а не к погружению в пучину рефлексии. Записку он аккуратно расправил и положил на стол, рядом с предыдущей, той, что с вчерашней датой. «7 июля 2026 года» и «Ты сделал это снова». Два экспоната в его личном музее безумия. Он разглядывал их, пытаясь найти отличия в бумаге, в шрифте, в чём угодно, что могло бы дать зацепку. Бумага была идентичной. Плотная, матовая, без водяных знаков. Шрифт — тот же, с лёгкими засечками, с одинаковым нажимом. Никаких отпечатков пальцев, он проверял это раньше, ещё в самом начале, наивно полагая, что криминалистика поможет найти автора записок. Сейчас он не сомневался: отпечатков не будет. Тот, кто это делает, не оставляет следов. Кроме тех, что оставляет на его, Виктора, сознании. И, как выяснилось, на его одежде.

Он вернулся к рубашке. Пятно на манжете требовало изучения. Не просто констатации факта, а настоящего анализа. Виктор принёс на кухню настольную лампу с гибкой ножкой, направил яркий свет на ткань. Кровь уже начала подсыхать, становясь более тёмной, почти бурой. Форма пятна была неправильной, с мелкими брызгами, расходящимися от основного сгустка. Это не был аккуратный след от пореза пальца. Это были брызги. Такие остаются при ударе. При сильном, резком контакте с источником крови.

Что за чудовищная картинка рисовалась в его воображении? Он, стоящий над кем-то в тёмном парке, в сумерках, наносящий удар? Или это была самооборона? Или несчастный случай? Ни одна из версий не находила отклика в памяти. Только глухая, чёрная стена.

Он снова осмотрел свои руки. Поднёс лампу ближе. Ногти были чисты. Кожа на костяшках — целая, без ссадин. Он не наносил ударов голыми руками. Тогда откуда брызги? Может быть, он держал какое-то орудие? Или просто стоял слишком близко? Вопросы, на которые не было ответов.

Виктор решил заново осмотреть одежду, в которой он был. Куртку, висевшую в прихожей. Он снял её с вешалки, тщательно осмотрел рукава, полы, воротник. На первый взгляд — ничего. Но на правом плече, чуть ниже, он заметил небольшой, почти незаметный тёмный след. Не кровь. Грязь. Влажная земля, смешанная с какой-то растительной трухой, словно он прислонился плечом к стволу дерева или упал на землю. Это подтверждало версию о парке, но не давало ответа на главный вопрос.

Он вернулся к компьютеру. Идея была проста и пугающе одновременно: проверить новости. Если в парке произошло что-то серьёзное, если кто-то пострадал, это должно было попасть в сводки. Пальцы зависли над клавиатурой, а в груди разрастался холодный ком. Он боялся того, что может найти. Но ещё больше он боялся оставаться в неведении. Набрать в поисковой строке «происшествие в парке у прудов сегодня» было почти физически больно. Он нажал ввод.

Поисковая система услужливо вывалила список ссылок. Преимущественно — старые новости, криминальные сводки за прошлые годы. Утонувший подросток трёхлетней давности. Найденный труп бродяги прошлой зимой. Ничего свежего. Он пролистал несколько страниц, меняя формулировки запроса. «Нападение в парке». «Тело обнаружено». «Скорая помощь парк пруды». Пусто. Информационный вакуум. Это могло означать что угодно: либо ничего не произошло, либо информация ещё не появилась, либо событие было такого масштаба, что его засекретили. Последнее казалось паранойей, но паранойя была его единственной спутницей в этом аду.

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Усталость накатывала волнами. Но спать было нельзя. Сон теперь ассоциировался не просто с получением очередной записки, а с полной потерей контроля. С превращением в монстра, который оставляет кровавые следы. Нужно было найти способ оставаться в сознании. Способ понять, что запускает эти провалы.

В дверь позвонили.

Виктор вздрогнул всем телом. Звонок прозвучал резко, требовательно, разрубив тишину квартиры. Он посмотрел на часы: половина девятого вечера. Слишком поздно для визитов. Кто мог прийти? В эпоху его добровольного заточения единственными гостями были курьеры, но он ничего не заказывал. Звонок повторился — длинный, настойчивый.

Он бесшумно поднялся и подошёл к двери. Посмотрел в дверной глазок. На лестничной площадке стояла женщина. Свет лампы на этаже падал на неё, выхватывая из полумрака бледное лицо и тёмные волосы, собранные в тугий пучок. На вид ей было около тридцати пяти. Строгие черты, острый подбородок, внимательные глаза. Одета она была в тёмное пальто, воротник поднят. Женщина не была ему знакома, но в то же время в её облике чудилось что-то смутно знакомое, какая-то неуловимая тень из прошлого.

Она снова нажала кнопку звонка, и на этот раз добавила:

— Виктор Романович, откройте. Я знаю, что вы дома. Нам нужно поговорить. Это касается ваших записок.

Последняя фраза ударила под дых. Она знала о записках. О том, что было его самой тёмной, самой тщательно охраняемой тайной. Откуда? Кто она? Что ей нужно? Страх боролся с отчаянным, жгучим любопытством. Наконец, он обрёл голос и спросил, не открывая двери:

— Кто вы?

— Меня зовут Кира Алексеевна Соболева. Я психотерапевт. Но сейчас это не важно. Важно то, что у нас очень мало времени. Вы ведь уже видели сегодняшнюю записку? Ту, где «Ты сделал это снова»?

Сердце пропустило удар. Она знала точный текст. Это исключало возможность догадки или случайности. Это была либо сообщница, либо... кто? Виктор помедлил секунду, борясь с инстинктом самосохранения, кричавшим ему не открывать дверь незнакомцам, которые знают слишком много. Затем щёлкнул замком и снял цепочку.

Женщина вошла в прихожую, быстро и по-деловому, словно делала это уже сотни раз. Она сняла пальто, оставшись в строгом чёрном платье, и, не дожидаясь приглашения, прошла в гостиную. Её взгляд скользнул по комнате, оценивая обстановку, задержался на столе, где лежали две записки.

— Итак, — сказала она, усаживаясь в кресло и жестом указывая Виктору на диван напротив. — У нас, по моим подсчётам, чуть больше трёх часов до вашего следующего провала. Времени в обрез.

Виктор остался стоять. Он смотрел на неё, пытаясь переварить услышанное.

— Что значит «до следующего провала»? Откуда вы знаете? И откуда, чёрт возьми, вы знаете о записках?!

Кира спокойно встретила его взгляд. Глаза у неё были серые, холодные, как зимнее небо. Но в их глубине читалось не враждебное, а, скорее, клиническое, исследовательское участие.

— Давайте по порядку, Виктор Романович. У вас сейчас шок, я понимаю. Постараюсь излагать тезисно. Во-первых, о записках. Я знаю о них, потому что изучаю ваш случай уже несколько месяцев. Ваш бывший лечащий врач, профессор Дмитриев, передал мне ваше досье перед своим отъездом за границу. Он считал ваш случай уникальным с точки зрения клинической психиатрии. Поначалу я тоже так считала. Но потом... столкнулась с тем, что выходит за рамки клиники.

Она сделала паузу, словно давая ему время осмыслить сказанное.

— Профессор Дмитриев? — переспросил Виктор, в памяти которого всплыл образ седого, уставшего старика с пронизательными глазами. Он действительно был у него на приёме несколько раз, полгода назад. Дмитриев прописывал ему нейролептики и седативные препараты, которые не дали ровным счётом никакого эффекта.

— Да. Он признал своё бессилие. Но его заинтересовала цикличность ваших состояний. Вы теряете сознание, Виктор Романович, примерно раз в сутки, если не принимаете определённых мер. Поначалу это происходило только во сне. Теперь, как мы видим, приступы катаплексии случаются и в состоянии бодрствования. Это, скажем так, тревожный симптом.

— Катаплексии? — Виктор нахмурился. — Это не просто обмороки?

— Это не просто обмороки. Это внезапная потеря мышечного тонуса при сохранении сознания, часто спровоцированная сильными эмоциями. Ужасом, например. Но в вашем случае всё сложнее. Вы не просто теряете тонус, вы теряете контроль над личностью. И то, что проявляется в эти моменты... это уже не совсем вы.

Она снова бросила взгляд на записки.

— Что вы имеете в виду, «не совсем я»? — голос Виктора стал глухим. — У меня что, раздвоение личности? Диссоциативное расстройство? Вы это хотите сказать?

Кира вздохнула, словно раздумывая, как подать информацию, чтобы не сломать его окончательно.

— Это одна из теорий. Самая простая и понятная. Да, всё выглядит так, будто внутри вас существует альтер-личность, которая берёт управление на себя во время провалов. Личность, которая обладает собственной памятью, собственными мотивами и, возможно... собственной моралью, весьма отличной от вашей. Но есть нюансы.

Она подалась вперёд, понизив голос.

— Записки, Виктор Романович. Откуда они? Если это вторая личность, как она умудряется материализовывать их на вашей тумбочке, пока вы спите? Вы пробовали запира́ть дверь, ставить камеры — ничего не помогало. Я знаю, это есть в отчётах. Вы пробовали не спать — сознание отключалось принудительно. Это не похоже на поведение диссоциативной личности. Это похоже на вмешательство извне. Или на то, что ваша вторая личность обладает способностями, которые мы не можем объяснить с точки зрения современной науки.

В комнате повисла тяжёлая пауза. Слова Киры, её спокойный, уверенный тон, её осведомлённость — всё это создавало эффект реальности происходящего, но реальности, полностью вышедшей из-под контроля.

— Зачем вы пришли? — спросил Виктор наконец. — Если это не лечится, если это какая-то чертовщина, с которой даже профессор Дмитриев не справился?

— Я пришла, потому что ситуация достигла критической точки. — Кира указала на записку. — «Ты сделал это снова». Это больше, чем симптом. Это сообщение. И оно адресовано вам, сознательному Виктору, от вашей второй половины. Или от того, кто за ней стоит. Я хочу помочь вам разобраться. И, возможно, предотвратить следующее «это».

Она достала из своей сумки небольшой блокнот.

— Расскажите мне всё, что вы помните. Каждую деталь. Начните с того момента, как проснулись сегодня. Это жизненно важно. У нас есть трёхчасовое окно, я вычислила его, анализируя ваши циклы. Если мы не разберёмся в триггере, в цельном сюжете сегодняшнего дня, вы снова потеряете сознание. И кто знает, что на этот раз сделает тот, второй.

Виктор колебался лишь мгновение. Ему была нужна помощь. Пусть даже от незнакомки с холодными глазами и теориями на грани фантастики. Он начал рассказывать. Сначала сбивчиво, перескакивая с одного на другое, но постепенно, под направляющими вопросами Киры, его повествование обрело стройность. Он рассказал о пробуждении, о вчерашней дате, о пустоте в памяти, о прогулке к пруду, об обрывке записки в воде, о внезапном провале и о пробуждении с пятном крови на рукаве. Он показал ей и ампулу из мусорного ведра.

Кира слушала очень внимательно, не перебивая, делая пометки в блокноте. Когда он закончил, она несколько минут молча изучала свои записи.

— Пятно крови. Это ключевой момент. И записка. Но главное — ампула. Вы точно не помните, как она попала в ведро?

— Понятия не имею. Я перебрал всю аптечку — ничего не пропало.

— Опишите мне свои ощущения до провала. Что вы чувствовали? Помимо очевидного страха?

Виктор задумался.

— Я... я смотрел на воду. Вспомнил фантомное ощущение холода в левой руке. Как будто я опускал её в пруд. А потом — ничего. Темнота.

— Холод. Холод и вода. Интересно. — Кира постучала ручкой по подбородку. — Это мог быть якорь. Психологический якорь, который запустил процесс переключения. Вы что-то увидели в воде, что-то, что заставило основную личность отступить.

Она встала и подошла к окну, вглядываясь в темноту за стеклом.

— Виктор Романович, я предлагаю провести эксперимент. Мы должны спровоцировать контакт. Сейчас, в контролируемой обстановке, пока у нас есть время.

— Что значит — спровоцировать контакт? — Виктор насторожился. — Вы хотите, чтобы я снова потерял сознание? Прямо здесь, при вас?

— Именно. Но с одним отличием. Я буду рядом и смогу наблюдать. Возможно, даже вступить в диалог. Я специалист, я работала с диссоциативными расстройствами. Если это оно, я смогу вывести вас из этого состояния. Если нет... что ж, по крайней мере, мы получим данные.

Предложение казалось безумным. Но было ли у него право отказываться? Он вспомнил пятно крови. Вспомнил слова «Ты сделал это снова». Если есть шанс предотвратить «это» в третий раз, он должен им воспользоваться. Даже ценой того, что придётся впустить в себя тьму под присмотром почти незнакомого человека.

— Что я должен делать? — спросил он.

Кира обернулась к нему. В её серых глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Лягте на диван. Закройте глаза. Постарайтесь расслабиться. И главное: вернитесь мыслями к тому моменту у пруда. Вспомните холод в руке. Вспомните тёмную воду. Запах тины. Позвольте этому ощущению захватить вас.

Виктор неохотно подчинился. Диван был жёстким, но тело, измученное стрессом, с благодарностью приняло горизонтальное положение. Он закрыл глаза, и темнота под веками сразу же стала враждебной, наполненной какими-то тенями. Голос Киры звучал глухо, как из-за толщи воды.

— Вы у пруда. Свет серый, сумеречный. Вы смотрите в чёрную воду. Она неподвижна. Ваша левая рука свисает. Пальцы касаются ледяной поверхности. Холод поднимается от пальцев к запястью, к локтю. Медленно, неотвратно...

Он послушно следовал её указаниям, выстраивая в воображении картину. Сначала ничего не происходило, кроме растущего чувства тревоги. Но затем он действительно начал ощущать холод. Не воображаемый, а самый настоящий, физический. Пальцы левой руки занемели. Дыхание перехватило. Он попытался пошевелить рукой, но мышцы не слушались. Паника захлестнула его, но голос Киры не давал ей прорваться наружу.

— Не сопротивляйтесь. Отдайтесь этому холоду. Позвольте ему течь сквозь вас. И скажите... скажите мне, что вы видите.

И он увидел. Не ту картину, которую рисовал намеренно, а другую, более чёткую, более реальную. Тусклый свет фонаря на берегу. Чья-то фигура рядом с ним. Он не видел лица, только силуэт. И собственный голос, но искажённый, чужой, прозвучал внутри черепа: «Я должен. Она просила. Я должен».

Внезапно, словно кто-то выдернул штекер из розетки, все ощущения пропали. Холод исчез. Темнота стала абсолютной. А затем сквозь эту темноту прорвался звук. Не голос Киры. Другой. Резкий, металлический скрежет, перемежающийся с низким, утробным гулом. И запах. Запах сырой земли, смешанный с формалином.

Виктор резко открыл глаза.

Он находился не на диване в своей гостиной. Он стоял на коленях на холодном бетонном полу. Вокруг царил полумрак, рассеиваемый лишь одинокой тусклой лампочкой, свисавшей на проводе с низкого потолка. Стены были кирпичными, грубо оштукатуренными, покрытыми пятнами плесени. Где-то вдалеке монотонно капала вода.

Он попытался встать, но ноги не слушались. Тело было ватным, чужим. Руки, упиравшиеся в бетон, были перепачканы чем-то тёмным и липким. Тем же, что и на рубашке. Кровь. Свежая, ещё не до конца засохшая кровь. Но на этот раз — и на руках, и под ногтями.

Ужас сковал его сильнее любого паралича. Где он? Как он сюда попал? Где Кира? Что произошло за те секунды, что он был в трансе? Секунды ли это были? Может быть, часы? Он снова потерял время. Потерял себя.

Он огляделся, силясь понять, что это за место. Подвал? Зброшенное здание? В углу помещения громоздились какие-то ящики, покрытые брезентом. У стены стоял старый, ржавевший операционный стол с ремнями. От этого зрелища кровь застыла в жилах. Инструменты на подносе рядом со столом — не хирургические, а скорее слесарные. Ржавые, грубые.

Он попытался закричать, позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. И тут он услышал шаги. Тяжёлые, медленные, они приближались откуда-то из-за его спины. Каждый шаг гулким эхом отдавался в бетонных стенах.

Шаги остановились прямо за ним.

Виктор не мог обернуться. Мышцы шеи свело судорогой. Он мог только смотреть перед собой, на ржавый операционный стол, на пятна крови на бетонном полу. Он чувствовал спиной чьё-то присутствие. И оно не было дружелюбным.

Молчание затягивалось. Затем раздался голос. Низкий, спокойный, даже убаюкивающий. Голос, который, казалось, проникал прямо в мозг, минуя уши.

— Ты снова здесь, брат. Всё повторяется. Вечный цикл. Вечное возвращение.

Виктор сглотнул. Язык едва ворочался, но он заставил себя прошептать:

— Кто вы? Где я? Что происходит?

Человек за спиной усмехнулся. Смех был сухим, как шорох осенних листьев.

— Ты знаешь ответы на все эти вопросы. Ты сам построил это место. Ты сам привёл её сюда. Ты сам взял в руки инструмент. Просто твоя память, как всегда, подводит тебя. Она прячет боль. Прячет правду. Но правда никуда не девается. Она ждёт.

Человек медленно обошёл его и встал перед ним. Виктор поднял глаза. Перед ним стоял мужчина в длинном тёмном пальто, накинутом на плечи, как мантия. На вид ему было около пятидесяти. Резкие, словно высеченные из камня, черты лица, высокий лоб, глубоко посаженные тёмные глаза. В его облике было что-то хирургическое, стерильное, несмотря на грязный подвал. И самое страшное — его лицо показалось Виктору смутно знакомым.

— Ты... — начал Виктор и осёкся.

— Узнал, — кивнул человек. — Это хорошо. Значит, не всё ещё потеряно. Мы — части одного целого. Но тебе, видимо, нужно напоминать об этом каждый раз. Смотреть в зеркало и видеть не себя, а меня. Каждое утро — маленькая смерть твоей иллюзии.

Человек протянул руку и коснулся лба Виктора. Пальцы были ледяными. Перед глазами всё поплыло. Картинка подвала начала распадаться на фрагменты, как пазл, который кто-то смахнул со стола.

— Ты сделаешь это снова, — произнёс человек, и его голос начал удаляться, затихать. — Ты будешь возвращаться сюда, пока не выполнишь то, что должен. И ни я, ни твой психо-

терапевт, никто тебе не мешает. Потому что это твоя природа. Твоя ежедневная смерть. И твоё ежедневное воскрешение.

— Нет! — Виктор попытался схватить его за руку, но его собственная рука прошла сквозь пустоту. Мир взорвался ослепительной вспышкой света.

Он снова лежал на диване в своей гостиной. Сердце колотилось с такой силой, что, казалось, готово было проломить рёбра. Лоб покрывала испарина. Он судорожно глотал воздух, пытаясь прийти в себя. Над ним склонилась Кира, её лицо было встревоженным. В руке она держала диктофон.

— Виктор Романович! Вы слышите меня? Виктор!

— Я... слышу, — прохрипел он, садясь. Голова кружилась. — Сколько меня не было?

— Минут семь. Вы были в глубоком трансе. Вы говорили.

— Что я говорил? — он схватил её за руку с неожиданной для самого себя силой.

— Сначала бессвязные фразы про холод и воду. А потом... — она замялась. — Вы заговорили другим голосом. Более низким, уверенным. Вы сказали: «Я должен. Она просила. Подвал. Операционная. Я всё сделаю правильно в этот раз». А потом вы замолчали.

Операционная. Подвал. Значит, это была не просто галлюцинация. Или галлюцинация, которая уходила корнями в какую-то жуткую реальность. Он отпустил руку Кире и уставился на свои пальцы. Они были чисты. Никакой крови. Но ощущение липкой грязи и холода на коже осталось.

— Кира, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я видел место. Подвал. Там был стол, инструменты. И человек. Он сказал, что я часть его. Что я прихожу туда, чтобы... сделать что-то. Снова и снова. Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, что моя теория подтверждается, — Кира выключила диктофон и спрятала его в сумку. — У вас не просто провалы в памяти. В эти моменты ваше сознание перемещается в некую сконструированную реальность, или же ваш альтер-эго выполняет определённые действия в реальности объективной. То, что вы видели подвал и инструменты, — это может быть реконструкция какого-то травматического события из вашего прошлого, которое ваша основная личность вытеснила. Либо... либо это карта того, что произойдёт сегодня. Или того, что уже произошло вчера.

Виктор встал. Ноги всё ещё были ватными, но решимость придавала сил.

— Мы должны найти это место. Подвал. Операционный стол. Это не плод моей фантазии. Это что-то реальное. Я чувствовал запах, чувствовал холод. Это где-то существует. И я должен найти это до того, как снова провалюсь.

Кира посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— Вы правы. Медлить нельзя. Но как мы найдём подвал в огромном городе?

— Есть одна мысль, — Виктор подошёл к столу, где лежал разорванный обрывок записки, найденный в пруду. — Вы говорили про психологические якоря. Парк — это якорь. Пруд — якорь. Но есть ещё кое-что. Я вспомнил, что держал в руке записку. И я её выбросил. Или

потерял. Но зачем я вообще пошёл в парк с запиской? Я никогда раньше не выносил их из дома. Значит, вчерашний «я» хотел оставить след. Указатель. Для меня сегодняшнего.

Он схватил с вешалки куртку.

— Мы идём в парк. Там должна быть ещё одна зацепка. Я уверен.

Кира кивнула, поднимаясь.

— Только быстро. Помните, у нас окно. Чуть больше двух часов до предполагаемого провала. Мы должны вернуться до того, как вы снова станете... не собой.

Они вышли из квартиры. Ночной город встретил их сырым, пронизывающим ветром. Фонари расплывались в морosi начинающегося дождя. Путь до парка занял не больше десяти минут, но каждая секунда этого пути отдавалась в висках Виктора тревожным набатом. Он шёл, и перед глазами стоял образ ржавого операционного стола и слышался голос: «Ты сделаешь это снова».

Парк был пуст и тёмн. Старые липы скрипели под порывами ветра. Гравий дорожки хрустел под ногами, заглушая звуки далёкого города. Они дошли до пруда. Вода казалась чёрной бездной, поглотившей весь свет.

— Здесь, — сказал Виктор, указывая на место, где нашёл обрывок записки. — Я стоял здесь. И что-то ещё... я смотрел не только в воду. Я смотрел туда.

Он повернулся и указал на старую, полуразрушенную беседку, скрытую в зарослях сирени. Днём он не обратил на неё внимания, но сейчас, в свете луны, едва пробивавшемся сквозь тучи, её очертания показались ему до боли знакомыми.

Они подошли ближе. Беседка была ветхой, деревянные ступени прогнили. Но на одной из них лежало что-то светлое. Виктор наклонился и поднял предмет. Это был сложенный вчетверо лист бумаги. Точно такой же, как и те, что он находил на тумбочке. Записка.

Он развернул её. На этот раз внутри был не машинописный текст, а рисунок. Схематичный, сделанный чёрной ручкой. План здания. На одном из помещений, расположенном ниже уровня земли, был поставлен жирный крест. А внизу подпись, сделанная тем же шрифтом, но уже знакомым ему с момента пробуждения в спальне: «Твое место. Твоя работа. Не опаздывай».

— Это карта, — прошептал Виктор, протягивая листок Кире. — Карта к тому подвалу. Она была здесь всё это время. Я сам себе её оставил. Или он мне оставил.

Кира взяла бумагу, поднесла к свету фонарика.

— Здесь изображена промзона за старым депо. Я знаю это место. Это заброшенный медицинский склад, его должны были снести ещё пять лет назад. Но строительная компания обанкротилась, и объект заморозили.

— Медицинский склад? — переспросил Виктор. Холодок пробежал по спине. Операционный стол в его видении, инструменты... всё сходилось.

— Именно. — Кира свернула карту. — Идёмте. Это далеко, нужно взять машину. Расскажите по дороге, что вы помните об этом месте. Но я начинаю подозревать, Виктор Романович, что ключ к вашим провалам, к вашим запискам — не у меня в блокноте, не в вашей голове, а там, в этих забытых богом подвалах. И нам придётся туда спуститься, если мы хотим остановить цикл.

Она развернулась и быстрым шагом направилась к выходу из парка. Виктор последовал за ней, чувствуя, как сжимается кольцо времени. Где-то там, в темноте заброшенного склада, его ждала разгадка. Или новая, ещё более глубокая бездна. В любом случае, пути назад уже не

было. Слова из сегодняшней записки эхом отдавались в голове: «Ты сделал это снова». Он ещё не сделал. Но, судя по всему, должен был. И у него оставалось чуть больше двух часов, чтобы понять, что именно — и попытаться это предотвратить.

Глава 3. Архитектор бездны

Автомобиль Киры оказался старым, но ухоженным седаном тёмно-синего цвета. В салоне пахло горьковатыми духами и едва уловимым запахом антисептика — странное сочетание, которое, впрочем, идеально подходило его хозяйке. Виктор сел на пассажирское сиденье, и холодная кожа кресла заставила его поёжиться. Кира завела двигатель, и машина, мягко заурчав, выехала на пустынную ночную улицу.

Дождь усилился. Капли барабанили по крыше, стекали по стёклам мутными ручейками, искажая очертания домов за окном. Город в этот поздний час казался вымершим. Редкие прохожие, спешащие укрыться от непогоды, проносились мимо размытыми тенями. Жёлтый свет фонарей дробился в лужах, создавая на асфальте причудливые, колышущиеся узоры. Виктор смотрел на эту картину, и его не покидало ощущение, что они едут не по реальному городу, а по какой-то его призрачной, inferнальной проекции.

— Расскажите мне о подвале, — нарушила молчание Кира. Её голос звучал ровно, профессионально, но в нём проскальзывали нотки напряжённого ожидания. — Что именно вы видели? Каждую деталь. Это важно.

Виктор откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза. Перед внутренним взором снова всплыла картина: тусклая лампочка, качающаяся на проводе, ржавый операционный стол, кирпичные стены, покрытые плесенью, и липкий холод бетонного пола.

— Это был подвал. Большое помещение с низким потолком. Стены старые, кирпичные, грубо оштукатуренные. Местами штукатурка обвалилась, обнажив красную кладку. Пахло сыростью, землёй и чем-то химическим. Формалином, кажется. Или карболой. Как в морге.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями. Воспоминание было ярким, почти осязаемым, но в то же время каким-то чужим, словно он смотрел фильм, а не переживал это сам.

— Посередине стоял операционный стол. Старый, проржавевший. С кожными ремнями для фиксации. Рядом — поднос с инструментами. Но это были не хирургические инструменты. Скорее, слесарные. Или... я не знаю. Какие-то крючья, зажимы. Всё ржавое, грязное. И везде была кровь. На полу, на столе, на инструментах. И у меня на руках.

Кира бросила на него короткий взгляд, полный холодного, аналитического интереса.

— Вы сказали, что видели человека. Кто он? Опишите его.

— Мужчина. Лет пятидесяти. Высокий, худой. Лицо резкое, будто вырубленное из камня. Глубоко посаженные тёмные глаза. Он был в длинном чёрном пальто. И голос... — Виктор вздрогнул, вспоминая этот низкий, убаюкивающий голос, проникавший, казалось, прямо в кости. — Голос спокойный, даже ласковый. Но от него веяло такой жутью, что кровь стыла в жилах. Он сказал, что я — часть его. Что я прихожу туда снова и снова, чтобы выполнить какую-то работу. И что я сам построил это место.

— Сами построили? — Кира нахмурилась. — В каком смысле?

— Не знаю. Это его слова. «Ты сам построил это место. Ты сам привёл её сюда. Ты сам взял в руки инструмент». Я не понимаю, что это значит. Я никогда не строил никаких подвалов. Я архитектор, но я проектировал офисные здания, торговые центры, жилые комплексы. Ничего подобного.

— Архитектор, — задумчиво повторила Кира, словно пробуя это слово на вкус. — Архитектор, который строит в своём подсознании тюрьму для самого себя. Интересная метафора, не находите?

— Это не метафора, — резко возразил Виктор. — Это было реально. Я чувствовал холод бетона, чувствовал запах, чувствовал липкую кровь на пальцах. Это не сон и не галлюцинация. Это место существует. И карта, которую мы нашли, это подтверждает.

Кира не ответила. Она сосредоточенно вглядывалась в дорогу. Дождь усилился, и дворники едва успевали справляться с потоками воды, заливавшими лобовое стекло. Машина свернула с освещённых центральных улиц в лабиринт узких переулков старой промышленной зоны. Здесь фонарей почти не было. Только слепые окна заброшенных цехов и складов мрачно смотрели на ночных гостей.

— Мы почти на месте, — сообщила Кира, сверившись с картой. — Вон там, за тем поворотом, должен быть въезд на территорию бывшего медицинского склада.

Виктор напрягся. Сердце снова забилось быстрее, разгоняя по жилам волны ледяного адреналина. Он пытался вспомнить, был ли он когда-нибудь в этом районе. Память услужливо подсовывала обрывки: какой-то проект, связанный с реконструкцией промзоны, много лет назад. Да, кажется, он действительно участвовал в тендере на разработку плана перестройки этого квартала. Но это было так давно, что детали стёрлись.

Машина остановилась перед высоким забором из ржавого профнастила. Ворота были приоткрыты, створка болталась на одной петле, издавая жалобный скрип под порывами ветра. За забором темнели мрачные корпуса складских помещений, напоминавшие своими очертаниями гигантские надгробия.

— Дальше пешком, — сказала Кира, выключая двигатель. — Свет у нас есть. — Она достала из бардачка два небольших, но мощных фонаря. Один протянула Виктору. — И вот ещё что. Возьмите.

Она вытащила из-под сиденья небольшой газовый баллончик.

— Надеюсь, не пригодится. Но лучше перестраховаться. Кто знает, с чем мы там столкнёмся.

Виктор молча взял баллончик, сунул его в карман куртки. Фонарь включился, выхватив из темноты мокрый асфальт и стену дождя. Они вышли из машины и направились к воротам. Холодный ветер мгновенно пробрал до костей. Дождь хлестал по лицу, заставляя щуриться.

Протиснувшись сквозь щель в воротах, они оказались на территории склада. Пространство перед ними напоминало декорацию к фильму ужасов. Огромные бетонные коробки зданий с зияющими провалами выбитых окон. Горы строительного мусора, поросшие бурьяном. Ржавые остовы каких-то механизмов, напоминавшие скелеты доисторических чудовищ. Ветер был в пустых проёмах, создавая жуткую какофонию звуков.

— Карта показывает, что вход в подвал находится в дальнем корпусе, — произнесла Кира, подсвечивая себе путь фонарём. — Идите за мной. И смотрите под ноги, здесь много ям и арматуры.

Они двинулись через пустырь. Под ногами хлюпала грязь, смешанная с битым кирпичом. Дождь превратил землю в вязкое месиво, которое норовило засосать ботинки. Виктор шёл, чувствуя, как растёт внутри него напряжение. Каждый шаг давался с трудом, словно само это место сопротивлялось их вторжению.

— Кира, — позвал он негромко. — Вы говорили, что изучаете мой случай несколько месяцев. Что именно вы знаете? Что было в досье, которое передал вам Дмитриев?

Женщина на мгновение замедлила шаг.

— Досье содержит историю вашей болезни с момента первого обращения. Вы пришли к Дмитриеву около года назад с жалобами на галлюцинации и провалы в памяти. Рассказали о записках. Дмитриев провёл полное обследование: томографию, энцефалограмму, множество тестов. Органических поражений мозга не обнаружено. Он диагностировал у вас острое стрессовое расстройство с элементами паранойи и прописал медикаментозное лечение. Но лечение не помогло. Более того, ваше состояние ухудшалось, появлялись новые симптомы. Дмитриев был в тупике. Он предположил, что корень проблемы лежит глубоко в вашем подсознании, возможно, связан с какой-то детской травмой. Но вы отказались обсуждать своё прошлое, даже под гипнозом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.